

А. МЕНЬЕ

РУССКИЙ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК И ФОРМИРОВАНИЕ ПУШКИНА

(Заметки)

Среди писателей XIX столетия Пушкин особым образом испытал влияние русской литературы предшествующего века, сказавшееся на всем его творческом пути весьма ощутимо и своеобразно.¹

Ставший в последние годы жизни историкографом Петра Великого и поэтому жадный до всего, что могло обогатить его сведениями об эпохе преобразователя, он живо интересовался сочинениями Кантемира или Тредиаковского, выросших при Петре и потому навсегда проникнутых его духом.

Уже в лицейских произведениях Пушкин проявляет живой интерес к прошлому своей страны и писателям предшествующего столетия, будь то знаменитые современники, еще не завершившие своего творческого пути, как Карамзин или Крылов, «забытые», как Новиков, увенчанные славой, но угасающие, как Державин, или те, кого уже не было в живых: сравнительно недавно ушедшие Радищев, Фонвизин, Богданович, давно умершие Ломоносов и Сумароков.

Я буду говорить здесь о первых соприкосновениях Пушкина с русской литературой предшествующих поколений, однако пользуюсь случаем напомнить, что большинство тех, к кому Пушкин всю свою жизнь испытывал особую любовь, были писатели-сатирики, начиная с князя Кантемира.

Французское влияние в XVIII в. в Европе, и в частности в России — особенно при Елизавете Петровне, было так велико, проникало так глубоко, так прочно в самый склад мыслей и нравов правящего сословия, что это привело к длившемуся многие

¹ См.: Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 67—78; кн. 2. М.—Л., 1961, стр. 345—348; см. также Д. Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII века. — В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 101—138.

десятилетия постепенному «духовному завоеванию» России французскими «философами», завоеванию вначале медленному, вкрадчивому, мирному и хорошо принятому двором, который вскоре стал направлять это влияние в интересах славы самой императрицы.

Но, когда наступило беспокойное время и беспорядки начались внутри страны, Екатерина II решает взять в свои руки управление этим «философским проникновением», которое она поощряла исключительно для наружного употребления и всячески душила внутри страны. Молодой Пушкин беспощадно разоблачит эту ее двойную игру в своих «Заметках по русской истории XVIII века», писанных в Кишиневе в 1822 г., где он заклеит «добродетели Тартюфа в юлке и в короне».²

Когда во Франции, вдалеке от русских границ, начались волнения, захватившие Европу, Екатерина сбрасывает маску и отныне имеет дело с «философами» только для того, чтобы их посадить, если они оказываются русскими.³

За исключением некоторых проявлений непоследовательности, вызванных скорее духом противоречия, нежели либерализма, в царствование «Калигулы» (1796—1801) положение только ухудшалось и, в конце концов, привело к вооруженному крестовому походу против Наполеона. Розовая лента «друзей» Александра I открыла новую эру либерализма — официального, однако ненадежного, во время которого царственный чудотворец был раздираем противоречиями: с одной стороны, либеральные идеи, унаследованные от бабки, воспринятые от Лагарпа и молодых друзей-«якобинцев», с другой — необходимость «вознаградить» убийц отца, требовательных кредиторов. Его нерешительность, подозрительность, двуличие, особенно опасные у абсолютного монарха, который постоянно вынужден принимать решения во время войны, сам не зная в точности, чего хочет, довольно скоро создали тупик, период некоей анархии, порою благоприятный для выражения крайних, противоречивых влияний, игра которых была опасна для тех, кто доверял государю: символический пример тому — Радищев. Доверчивый революционер, убежденный, что молодой царь его одобряет, вдруг, когда сенатор Завадовский перебивает его во время заседания законодательной комиссии, решает, что ему снова угрожает Сибирь и, по словам мемуариста Н. С. Ильинского, предпочитает выпить стакан азотной кислоты.⁴

Когда в 1811 г. Лицей, наконец, был открыт, либеральный образ мыслей царствовал среди молодых дворян-лицейстов и не-

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 17. См. также работу: A. Lortholary. Le mirage russe en France au XVIII-ème siècle. Paris—Boivin, 1951.

³ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 16.

⁴ «Русский архив», 1879, кн. III, стр. 416.

которых профессоров; сам император в глазах многих слывет либералом, хотя и оставляет широкое поле действия для самых ревностных деятелей крепостнической аристократии.

Даже для непредвзятого ума не может не быть удивительным, что накануне наполеоновского вторжения французский язык и литература, французские классики и философы ценились в русском лицее не менее, чем русский язык и русские писатели. Пушкин был одним из тех, кто преуспевал в обоих языках. Лицей был во всей России тем местом, где особенно интересовались национальной литературой, столь презираемой «обществом» и особенно дамами света. Но кто даже в Лицее отважился бы приравнять к великим французским классикам русского писателя, будь то даже знаменитый Державин?

Парадоксально лишь то, что молодой поэт, сумевший внушить своим соотечественникам уважение к своему языку и литературе, был в то же время одним из самых блестящих знатоков французской литературы, которую проклинали ограниченные националисты из числа его современников-галлофобов.

Интеллектуально сформировавшийся в семье, проникнутой русским вольтерьянством, но благодаря, например, своей няне, жившей в старозаветной русской среде, он чувствует себя глубоко русским человеком. Благодаря своей исключительной эмоциональности, он сумел сочетать в себе оба эти вклада, вместо того чтобы разрушать один из них в пользу другого, в результате чего и получился тот несравненный синтез, который еще на лицейской скамье стал приносить свои первые плоды.

Одна из основных проблем, которые встают перед исследователем, желающим оценить роль и значение русской литературы XVIII в. для творчества Пушкина начальной поры, состоит в точном разграничении между очень заметным французским влиянием и влиянием собственно русским.

Чтобы установить русскую традицию, которая была бы не подражанием по заказу, т. е. не мертворожденной, следовало сочетать французское свободомыслие, идеологически подготовленное французской революцией, с длинной традицией русских крестьянских бунтов — с одной стороны; с другой — следовало сохранить лучшее из приобретенного от Франции и обогатить его русскими соками, почерпнутыми в народных источниках — не французских, не немецких, а русских источниках, которыми зачастую пренебрегали сами русские «классики». И в этой связи для нас особенно интересно представление о литературе минувшего столетия, которое создал себе молодой поэт после двух или трех лет пребывания в Лицее.

Первое русское литературное имя, встречающееся в произведениях Пушкина, — это имя И. С. Баркова, причем сомнительно, чтобы Пушкин узнал это имя *ex cathedra*; оно соседствует с име-

нами Вийона и Вольтера («султана французского Парнасса»⁵ и его любимого поэта). В поэме «Тень Баркова» уже есть безверие, сатанизм, эротизм, но еще нельзя четко разделить влияние Баркова, русского порнографического и антирелигиозного фольклора, самого Вольтера и сказок нашего Лафонтена, которые Пушкин уже знал.

После появления еще в 1813 г. имени Тредиаковского в сатире «Несчастье Клита»⁶ первое опубликованное Пушкиным стихотворение «К другу стихотворцу»⁷ обнаруживает более серьезный интерес к поэтам XVIII в. Тредиаковский назван снова как отец «Телемахиды». Сатирическое умонастроение молодого поэта сказалось уже здесь. Еще осторожный, он умеет быть почтительным, уважает хороших авторов и охотно восхищается ими, но не забывает противопоставить их своим бесталанным современникам. Державин, Дмитриев и Ломоносов восхваляются, причем два первых, хотя были еще живы, казались подростку такими старыми, что он относил их к минувшему столетию.

Литератор, уже понявший свое призвание, Пушкин был в достаточной мере реалистом, чтобы страшиться судьбы, слишком часто постигающей истинных поэтов, подобных ему:

Костров на чердаке безвестно умирает...⁸

После триумфа «Воспоминаний в Царском селе», прочитанных в 1815 г. в присутствии Державина,⁹ элегии, в которой русский XVIII век превозносился в лице Екатерины II и ее полководцев, как славная, но миновавшая и оплакиваемая эпоха, «Российский музей»¹⁰ вскоре напечатал подписанное скромными цифрами «1... 17—14» резвое стихотворение «Городок» в четыре сотни строк: свободный вариант Вольтерова «Храма вкуса», в котором рано созревший лицеист, уже восхищающийся Моцартом, итальянскими композиторами и художниками и т. д., обозревает свои литературные привязанности: из этих стихов видно, что вкус лицеиста не удовлетворялся одним Барковым, поскольку не был ни поверхностным, ни равнодушным.

В «Городке» отмечены многие писатели XVIII столетия и хотя даже после войны и революции французам отдается предпочтение, особенно же Вольтеру («поэт в поэтах первый»),¹¹ русские писатели тоже располагаются среди любимцев.

⁵ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 9.

⁶ Там же, стр. 21.

⁷ Там же, стр. 25—28. Впервые: «Вестник Европы», 1814, № 13, стр. 9—12.

⁸ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 26.

⁹ Там же, стр. 78—83.

¹⁰ «Российский музей», 1815, № 7, стр. 3—15.

¹¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 97.

Первым из русских, после Вергилия, Тасса и Гомера, назвал Державин, поставленный на одну ступень с Горацием — довольно неожиданное сближение, в котором по поводу второго содержится похвала лени, поэтической добродетели. «Ванюша Лафонтен» напоминает об И. И. Дмитриеве — сопоставление в ту пору обязательное, но, кроме того, и о Крылове,¹² и в этом уже была некая смелость. Вслед за тем — новая ересь! — Лафонтен сравнивается с Богдановичем, как автор «Amour et Psyché» и — оценивается ниже русского поэта.¹³

Далее, Озеров приравнен к Расину, Жан-Жак Руссо — к Карамзину, рядом с «Мольбером-исполином» оказываются Фонвизин и Княжнин.¹⁴ Это приравнивание может показаться безделицей, между тем эта безотчетная дерзость школьника означала революцию вкуса в России. Суждения Пушкина не были окончательны, ему самому еще предстояло меняться, но его инстинктивная ненависть к условностям и обрядам уже нетерпеливо проявлялась. Недостаток места не позволяет мне проанализировать всю совокупность лицейских стихов Пушкина; однако мне хотелось бы указать на весьма интересную поэму, которая не сыграла своей роли потому, что была «забыта» в течение ста лет, — на «Тень Фонвизина».¹⁵

Это произведение неожиданно раскрывает не только зрелость мысли юного критика, не только трезвость его суда над старшими современниками, но и оригинальность его взгляда на Фонвизина-сатирика и его пристрастие к тому, что было в Фонвизине истинно русским. Всякое влияние у Пушкина немедленно приводится в действие: он берет бич из рук Фонвизина, чтобы обрушить его на современных писателей, которых желает высмеять. Не говоря уже о князе Ш. и графе Хвостове, обреченных быть его мишенью, он уже не щадит и жрецов, которых он почитал несколькими месяцами ранее, и создает забавную карикатуру на пророчествующего Державина. Описание возвращения Дениса на землю — одно из лучших созданий Пушкина-лицеиста — является отличным доказательством того, что в 1815 г. благодаря Пушкину бич Фонвизина был подхвачен и великий дар подлинной общественной сатиры продолжал жить в России, пока был жив Пушкин.

Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременялся.
Всё идет той же чередой;
Всё так же люди лицемерят,
Всё так же песенки поют,

¹² Там же, стр. 98.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 99.

¹⁵ В первый раз напечатано в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, № 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 3—25.

Клеветникам как прежде верят
< >
Иным житье, другие плачут
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи
< >
Всё столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.¹⁶

¹⁶ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 156—157.